

новых иноязычных вхождений, но они стоят особняком, поскольку представляют неологизмы, объединенные не функциональным, а генетическим признаком. Впрочем, это не уменьшает их значения: в эпоху тесных межнациональных и межъязыковых контактов, когда пополнение лексики во многом идет за счет заимствований, подобные словари (если они оперативны) служат путеводителем едва ли не по наиболее трудной части неологизмов» [8]. По-видимому, категорическое противопоставление словарь языка — словарь речи не может быть принято безоговорочно в силу ряда причин. Во-первых, сами категории язы к и р е ч ь для лексикографии имеют весьма относительное разграничение (как известно, словари языка писателей репрезентируют лексику в ее индивидуально-авторском употреблении, но одновременно и в ее проекции на язык конкретной эпохи). Во-вторых, лексикографические опыты, в которых отражены заимствования, опираются на их использование, на их ф у н к ц и о н и р о в а н и е в тех или иных текстах (тексте), причем генетический признак часто нейтрализуется.

В этом отношении особенно показательны словарные разработки, касающиеся той части тюркской лексики, которая отмечена в русских художественных произведениях и в русских переводах с тюркских языков.

О. Назаров пишет о том, что под определениями *туркменские слова*, *туркменские заимствования* «понимается не только собственно туркменская лексика, но и слова, генетически восходящие к другим языкам. Возможность такого подхода к фактическому материалу при анализе тюркских заимствований в русском языке обоснована Н. К. Дмитриевым, отметившим, что среди тюркизмов различаются «собственно тюркские слова и лексические элементы, заимствованные из арабского, персидского и монгольского языков (...)». К числу туркменских заимствований нами условно отнесены все слова собственно тюркского и восточного происхождения, встречающиеся в художественной, научной литературе на туркменскую тему, а также в периодике, если их прототипы в языке-источнике близки к заимствованию по графемно-фонетической характеристике, имеют тождественное или частично совпадающее в двух языках смысловое наполнение, обладают в туркменском языке более разветвленной семантической структурой, более широкими фразеологическими и словообразовательными связями, чем в русском» [3, с. 12]. Обращение к художественным произведениям как источникам для лексикологических и лексикографических опытов продолжает сложившуюся традицию в русистике, но для изучения иноязычной лексики оно имеет особое значение: сфера современной советской литературы является едва ли не самым действенным и эффективным проводником заимствований из национальных языков в русский язык.

Весьма существенным обстоятельством представляется то, что отнесение конкретного заимствования к тому или другому национальному языку нередко носит условный характер, ибо одна лексическая единица может быть одинаково свойственна ряду родственных языков. Убедительные свидетельства в пользу этого дает сопоставление заимствований в русском языке, соотносимых с узбекским языком и с туркменским языком. По данным, приведенным в работах И. У. Асфандиярова [1] и О. Назарова [3], такая лексика, тематически разнообразная, представлена следующими единицами: *айван* ('терраса, открытая веранда'), *амбал* ('рабочий по переноске груза'), *дувал* ('глинобитная ограда'), *казан* ('котел для приготовления пищи'), *канар* ('большой мешок'), *кумган* ('металлический кувшин, служащий для умывания и кипячения воды'), *курултай* ('традиционное весеннее совещание труженников села'), *мираб* ('распределитель воды в оросительной сети для полива'), *самса* ('треугольный пирожок с начинкой'), *танан* ('единица измерения площади') и т. д. (в перечислении опущены те слова, которые прочно усвоены системой русского языка и,